

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

МОСКОВСКИЙ
международный
кино
фестиваль
21.06 – 30.06.2012

#2
(92)

ЭКТОР БАБЕНКО

В Южной Америке надо уметь усидеть не на двух, а на многих стульях

HECTOR BABENCO

In South America you have to learn how to keep on sitting on a couple of chairs, not two

ИШТВАН САБО

Наверное, я отношусь к женским режиссерам, потому что в моих фильмах главную роль играют женщины

ISTVAN SABO

Maybe I am women's director, because women's play the main roles in my films

СЕРЕНАДА ТРЕХ СЕРДЕЦ

Реж. Эрнст Любич

DESIGN FOR LIVING

Dir. Ernst Lubitsch

ДВЕРЬ
AZ AJTÓ

стр. 3

ЛЮДОЕД-ВЕГЕТАРИАНЕЦ
LJUDOŽDER VEGETARIJANAC

стр. 4

ПОКЛОННИЦА
THE ADMIRER

стр. 4-5

ГОРЕЧЬ ЛЮБВИ
AMARO AMORE

стр. 5

**ПРЕЗИДЕНТ ЛИНКОЛЬН:
ОХОТНИК НА ВАМПИРОВ**
ABRAHAM LINCOLN: VAMPIRE
HUNTER

стр. 7

SERGEI LOBAN

Jury

Finally it seems possible to say: Sergei Loban is the best thing that happened to Russian cinema over the past few years. Not in terms of talent, although we are yet to learn the limits of his abilities. Not in terms of international recognition, though if the tendency remains the same it won't be long before it comes. But in terms of the essence, of the creative philosophy. Loban is the director of a completely new epoch. Having absorbed all the subtleties of a rather marginal and moderately closed subculture, which he and his friends called «Ours 2000», Loban used it to create a model of a universe simultaneously unique and universal. In «Chapiteau-show» he combined four incompatible stories about holidaymakers in the Crimea into a full-fledged, intelligent and vivid portrait of the generation. But this is not the most important thing. An attentive viewer could have noticed all the messages of the movie (albeit not in such an outstanding artistic form) and even the characters in episodes of the program «Less than 16 and older» directed by Loban, which aired on ORT some ten years ago. His feat as an artist is that the graduate of the Moscow Institute of Electronics and mathematics, who had never studied directing, managed to resist the so-called Russian filmmaking process, which is justly considered the main enemy of the national cinema d'auteur. Without debates with some generalized authority from Goskino, without losing faith in himself and winning over a great many supporters (the most striking example being Pyotr Mamonov) he managed to carry his emotional charge through the decade and then it exploded like a kiloton bomb in the competition of the 33rd MIFF. After «Chapiteau-show» it is impossible to shoot cinema d'auteur in Russia hiding under the phrases like «I can't do anything about it». An it has changed the local landscape: young directors crowned with a prize for a short, go counter to the existing tradition, reject profitable offers from TV channels and get down to work at a feature. This is happening here and now. And it is happening thanks to Loban and his impressive support group.

Sitting on the Jury of the MIFF is the last element in the circular composition. Here he was noticed for the first time, when in 2005 his feature debut «Dust» was selected for competition. Here the world saw the miracle called «Chapiteau-show». And here Loban will be a jury member of a prominent international festival. An ideal choice: not yet a classic, but undoubtedly the most resilient one.

Nikita Kartsev

Жюри/ Сергей Лобан

СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ

Кажется, сейчас уже можно так сказать: Сергей Лобан – лучшее, что случилось с российским кино за последние годы. Не по уровню таланта – хотя потолок его возможностей нам еще предстоит узнать. Не по широте международного признания – хотя если так пойдет и дальше, оно не заставит себя ждать. А по сути, по своей творческой философии. Лобан – режиссер абсолютно нового времени. Впитав все нюансы довольно маргинальной, в меру закрытой субкультуры, которую он вместе с соратниками условно называет «СВОИ2000», Лобан на ее основе создал макет одновременно уникальной и универсальной вселенной. Соединил в «Шапито-шоу» четыре несоединимые истории курортников в Крыму в полноценный, внятный и яркий портрет поколения. Но не это самое главное. Все идеи фильма (пусть не в такой выдающейся художественной

форме) и даже тех же самых героев внимательный зритель мог встретить еще в выпусках «...до 16 и старше» на ОРТ, срежиссированных Лобаном десять с лишним лет назад. Подвиг Лобана как художника в том, как этот выпускник Московского института электроники и математики, ни дня не проучившийся на режиссера, сумел выстоять перед лицом так называемого российского кинопроцесса, который вполне справедливо считается главным противником отечественного авторского кино. Не вступая в спор с условным чиновником из Госкино, не теряя веры в собственные силы, заразив ею огромное количество людей (самый яркий пример, конечно, – Петр Мамонов), пронести через эти десять лет свой заряд, взорвавшийся эмоциональной бомбой в несколько килотонн в конкурсе 33-го Московского международного кинофестиваля. После «Шапито-шоу»

в России больше невозможно снимать авторское кино, прикрываясь фразой «от меня ничего не зависит». И это уже меняет местный ландшафт: молодые режиссеры, получив приз за короткометражный фильм, вопреки устоявшейся традиции, отвергают выгодные предложения телеканалов и вплотную садятся за работу над полным метром. Это происходит здесь и сейчас. И происходит благодаря Лобану и его внушительной группе поддержки.

Участие в жюри ММКФ – важный элемент кольцевой композиции. Здесь его когда-то впервые заметили, взяв в 2005 году в конкурс полнометражный дебют – «Пыль». Здесь же мир впервые увидел чудо под названием «Шапито-шоу». И здесь же Лобан впервые вошел в состав жюри крупного международного кинофестиваля. Идеальный выбор: еще не классик, но уж точно – самый живой.

Никита Карцев

СЛУЖАНКА

КОНКУРС Дверь (Az ajtó) / Реж. Иштван Сабо

Порывистый и устремленный к нулю, как музыка Шумана за кадром, фильм Иштвана Сабо наполовину состоит из стремительных панорам и наездов, что, достигнув точки покоя, спешат отойти в затемнение. Историю взаимного притяжения-отталкивания премированной писательницы (Мартины Гедек) и норовистой дворничихи (Хелен Миррен) в Будапеште 60 – 70-х он рассказывает, выхватывая из десятилетнего потока их отношений моменты истины, которые всегда – взлёт, падение, резкое вглядывание, оторопь; отсюда и столько движений камеры. Изобразительные лейтмотивы фильма – ветер несет облака, метла гонит опавшие листья, снег спешит успеть до Рождества: Сабо подгоняет время. Если автору будет дозволена ассоциация личного толка, я вспомню, как пришел на интервью с Юрием Петровичем Любимовым, не удосужившись заранее уточнить регламент; на вопрос «А сколько у нас времени?» он ответил: «Времени у нас почти нет: мне 92 года». То же ощущение стремительности, беспощадности, слез, в которых повинен ветер, и смеха, из которого рождается жизнь, не отпускает весь фильм «Дверь».

В этот раз Сабо держит за горло; наподобие тем ярмарочным умельцам, что за 20 секунд на глазах кроют из куска бумаги ваш портрет, он уверенно отрезает, выкрамывает, схватывает из целой жизни именно те жесты, выходы, слова, воспоминания, что создадут новую киногероиню, которую будет невозможно забыть. Его верной ищейкой

становится Хелен Миррен, которая в роли дворничихи, не пускаящей никого дальше своего порога, командует зрителем, как ее героиня – собакой Виолой, создавая нечто среднее между состарившейся вопреки собственным прогнозам Мэри Поппинс и отринувшей мещанскую жизнь фрэкен Бок: образ, перед которым взрослые обречены пасовать со сладким безволием укрощенных детей.

В фильме есть уморительная отповедь дворничихи, самовольно украсившей книжную полку писательницы грошовой китайской собакой и

получившей распоряжение убрать с глаз долой этот кич, подделку: «А что в ней поддельного? У ней всё настоящее: уши, лапы, хвост. Может, когда вы немного повзрослеете, то наберетесь смелости и ваши вкусы улучшатся!». Надо повзрослеть и набраться смелости, чтобы сегодня, когда камера неприкаянно и безволие болтается даже в голливудских фильмах, снимать так, как Сабо: статичный кадр: дворничиха подходит к писательнице – наезд: они борются – крупный план писательницы: она повержена – статичный общий план: передышка, силы рас-

ставлены – крупный план дворничихи: она делится своим первым страшным воспоминанием. Может, другие конкурсанты и скажут: чего ж так снимать, этому же их учили в киношколе, но вообще-то, перед нами подлинные уши, лапы и хвост кинематографа. Зритель благодарен, когда с ним играют в знакомую детскую игру – а тогда его можно брать за горло и делать с ним все, что хочешь.

Чего же хочет Сабо? Единственное – создать не претендующий на универсальность портрет безбожницы, ставшей богиней. Вы можете не принимать ее догмы, это – условие игры, но не полюбить ее вы не сможете. Ибо среди прочих секретов Иштван Сабо владеет секретом всех великих пророков, художников и влюбленных: не навязывать свою правоту.

Алексей Васильев

THE DOOR / AZ AJTÓ

COMPETITION Dir. Istvan Sabo

Tolpetuous and tending to zero, like Schumann's off-screen music, Istvan Sabo's film consists partially of swift panoramas and zooms, which upon reaching the final point hurriedly disappear into a fade-out. He narrates the story of the mutual attraction-repulsion between the prizewinning writer (Martina Gedeck) and the tetchy janitor (Helen Mirren) in the Budapest of the 60s-70s by snatching moments of truth from the decade of their relationship, and invariably they are rises and falls, peering and confusion, which explains the abundant camera movements. The visual key-notes of the film are the clouds driven by the wind, the broomstick wiping the leaves, the snow hurrying to make it in time for Christmas. Sabo speeds up the time. If I am permitted to use a personal association, I remember I once went to an interview with Yuri Petrovitch Lyubimov and did not take the trouble to find out the time limits. So I asked: «How much time have we got?» To which he replied: «We've got almost no time. I am 92». The same sensation of swiftness, mercilessness, tears caused by the wind and laughter giving birth to life persists throughout the movie «Door».

This time Sabo grabs you by the throat. Like conjurers at the fair who manage to cut out your portrait out of a piece of paper before your very eyes in 20 seconds, he confidently cuts away, carves, snatches from the entire life those gestures, actions, words, memories that create a new film character which you will be unable to forget. His devoted hound is Helen Mirren. As a janitor, who lets no one beyond her threshold, she commands the viewer like her character orders around her dog Viola. The resulting personality is a cross between Mary Poppins, who has aged in spite of her own predictions and Froken Bock, who has repudiated the vulgar life. This is an image which forces the adults to surrender with the sweet powerlessness of tamed children.

There is a very funny rebuff of the janitor, who of her own accord had placed a cheap Chinese dog figurine on the writer's bookshelf and was ordered to take this kitsch, this fakery away. «What is fake about it? Everything is real: the ears, the paws, the tail. Perhaps when you grow up a bit you'll become braver and your tastes will improve!» Today, when the camera dangles point-

lessly and powerlessly even in Hollywood movies one must grow up and become braver to shoot like Sabo: a static shot: the janitor comes up to the writer – zoom in: they fight – close-up of the writer: she is defeated – static long shot: a pause, the forces are ready – close-up of the janitor: she shares her first horrible memories. Perhaps other competitors will say: what is the use of shooting that way, this is what they were taught at film schools, but essentially we have the real ears, paws and a tail of filmmaking. The viewer is grateful when he is invited to play a lawful children's game and then you can grab him by the throat and do whatever you wish with him.

And what does Sabo wish? Merely to paint a portrait of a scoffer that has become a goddess without any pretensions at creating a universal image. You are not obliged to approve of her dogmas – that is the rule of the game, but you can't fail to love her. Among other secrets Istvan Sabo knows the one of all greats prophets, artists and lovers – not to impose his own right cause.

Alexei Vasiliev

ДУХLESS

КОНКУРС Людоед-вегетарианец (Ljudozder Vegetarijanac) /
Реж. Бранко Шмидт

Кинематографистам, да и зрителям не нужно долго объяснять, что удачное название кинокартины может обеспечить львиную долю успеха. Бранко Шмидт может гордиться названиями почти всех своих картин, но последняя на сегодняшний день его лента называется просто великолепно.

Впрочем, «Людоед-вегетарианца» придумал не режиссер, сочинивший сценарий, а писатель Иво Баленович, роман которого Бранко адаптировал для экрана. Это уже второй фильм Шмидта по Баленовичу – автору романа «Метафастазы», фильм по которому участвовал в конкурсе «Перспективы» ММКФ 2010. В новом романе Баленовича и фильме Шмидта речь идет о коррупции в медицинском сообществе, о молодом враче-гинекологе. Герой промышляет подпольными абортными, которые щедро оплачиваются как бандитами, так и тесно связанными с ними начальниками, имеющими власть в государстве. Чем более опасные операции он проводит, чем большему риску подвергает жизнь своих пациенток, тем успешнее развивается его карьера, тем прочнее становится социальное положение...

В Хорватии фильм пользовался очень большим успехом – как у зрителей, так и у критики. Высокий художественный уровень произведения очевиден. Но, разумеется, фильм был приглашен в Москву еще и потому, что ситуация, в нем раскрытая, имеет место едва ли не в каждой российской больнице, а вот

фильмов про это «на просторах родины чудесной» почему-то не снимают.

Шмидт поставил четкий, жесткий, ритмичный, хлесткий фильм. Выдающийся артист Рене Биторияц, открытый Шмидтом в «Метафастазах», на сей раз играет человеческий тип, к сожалению, весьма распространенный ныне. Успешный профессионал. Шикарная квартира. Шикарная машина. Шикарная одежда. Следит за своим здоровьем. Не ест мяса. Этого типа нельзя упрекнуть в аморализме. Мораль – это нечто ему неизвестное. И если бы кто-то вздумал журить Данко Бабица за то, что он делает, персонаж Биторияца искренне бы удивился.

Он делает то, за что платят деньги. Они нужны Данко для поддержания определенного жизненного статуса. Что же делать, если официальная зарплата врача этого не позволяет. А эти девчонки, которых он «пользует», они что, не понимают, что иногда после ночи любви можно и забеременеть? Они что, не знают, что в их положении бедных наложниц, украинских проституток, еще Бог знает кого, радости материнства исключены? Они не знают, с кем трахаются? Не понимают, что у бандитов, а тем более – у начальников, есть законные жены и дети? Незаконные им ни к чему.

Пожалуй, себя Данко Бабиц считает санитаром, очищающим общество от совершенно не нужных ему новых бесправных членов.

В самой шокирующей сцене фильма Данко по кусочкам вынимает убитый

плод из лона очередной пациентки и аккуратно раскладывает крошечные части на подносе, соблюдая пропорции. Вот головка, вот ручка, вот ножка, вот еще одна ручка...

У Данко все, что называется, «разложено по полочкам». И в квартире, и на работе, и в самой жизни. Любовь? Какая любовь, о чем вы? Так, перепихнуться между делом – «для облегчения яичек» – и дальше! Женитьба? Ну, кто же откажется в нужный момент выйти замуж за популярного, перспективного доктора, которого назначают руководителем клиники! Для того, чтобы получить этот пост, Данко не интригует – это ниже его достоинства. Он просто не мешает событиям идти в нужном направлении. Просто не говорит того, что знает.

Того, что могло бы удержать на посту предыдущего начальника. Старые люди должны уходить и уступать место молодым, жадным, хватким. Данко везде все просчитывает. У него во всем – порядок.

Признаться, то, как играет Биторияц, сейчас редкость в мировом кино. До появления этого чудесного артиста я считал, что перевоплощения – это что-то из истории искусства. Все сейчас построено, наоборот, на принципе узнавания. Зрители, приходящие в кинозал, должны узнавать своих кумиров, как бы ни менялись их одежды. Рене возрождает великое актерство прошлых эпох, которое, как оказалось, ничуть не устарело и вполне замечательно существует в современном кинематографе.

Сергей Лаврентьев

ЧЕХОВСКИЕ МОТИВЫ

ГАЛА-ПРЕМЬЕРЫ Поклонница / Реж. Виталий Мельников

История Чехова, рассказанная Виталием Мельниковым (любовь с Лидией Авиловой, наезды в Петербург, туберкулез, провал «Чайки» в императорском театре...) – очень чеховская по духу. Поначалу показалось даже, что весь этот антураж, знакомый еще по школьным учебникам, воссоздается режиссером слишком бесхитростно, буквально, – примерно как антураж станции метро «Чеховская», полной задумчивых панно с дворянскими беседками, театральных завитушек et cetera. Но потом понимаешь, что иначе рассказана эта история быть не могла. Особая теплота этого фильма – в том, что эта история любви, действительно, стара, как мир. Во все времена искру душевной близости, возникшую между двумя по-настоящему одинокими людьми, жаждут потушить – нелюбимые супруги, фальшивые друзья, «свет», поборники нравственности... Во все времена такая любовь – запрещенная, поздняя, горькая – освещает жизнь человека каким-то особым смыслом. В «Поклоннице» это почти платоническое чувство (герои позволили себе только один поцелуй, расставаясь навсегда – и с трудом укрывшись на вокзале от вездесущих сплетниц и репортеров светской хроники) диктует почти все шаги Чехова – по сути, ради Лидии, своей «Египтянки», он дает премьеру «Чайки» в Питере, воскрешает ранние юморески для собрания сочинений и даже выпивает бокал шампанского перед смертью. Умирающим от чахотки давали шампанское: тогда считалось, что оно каким-то образом

РАЙ. ЛЮБОВЬ

ПЕРСПЕКТИВЫ Горечь любви (Amaro Amore) /
Реж. Франческо Хендерсон Пепе

– То место, в котором вы снимали «Горечь любви» в Сицилии, настолько красиво, что эта красота привлекает взгляд, даже отвлекает. Она помогала вам работать или мешала?

Франческо Хендерсон Пепе: И помогала, и мешала. Это совершенно дикое место, архипелаг из семи вулканических островов, на котором очень необычная энергетика. Были дни, когда остров буквально восставал против меня. В один из вечеров была сумасшедшая буря, град,

пришлось остановить съемку и бежать, бросив оборудование – а мы снимали главную сцену, ключевую... Словом, остров сильно «вмешивался» в создание фильма, и я не сразу понял, что он помог: результаты были лучше, чем то, что я написал изначально. Многие сцены, которые из-за погоды приходилось снимать по-другому... Я уверен, что на островах какая-то особая энергетика, магия, которая влияет на людей.

Франческо Казиза: На Сицилии много прекрасных мест, не только

облегчает физические страдания. Но здесь в этом жесте зашифровано последнее «прости».

Люди могут пить чай, беседовать, а в это время разбиваются их сердца. Известный чеховский принцип. Режиссер свято следует ему, поэтому чинный масленичный обед превращается для Лидии в светопреставление, а весть о смерти Чехова она принимает в юбилей совместной жизни с не-любимым мужем: плакать нельзя. Плакать нельзя. Старик Лейкин, роль которого замечательно сыграл Олег Табаков (и можно оценить юмор создателей фильма: в его уста вкладываются весьма скептические реплики в адрес нового театра – МХТ), рыдает в прихожей, а сверху несутся голоса ликующих гостей... Эти гости – целая галерея чеховских пошляков, гаевых, ионычей, и, между прочим, нетрудно прочитать намек на то, что все эти люди и убили Чехова (например, провал спектакля в Александринском театре – следствие их кованого сговора), подобно тому, как в других фильмах то же общество убивает Пушкина «рукой великосветского шкоды». («Рукой туберкулеза» в данном случае как-то не прозвучит.)

Да, может быть, история любви угасающего от болезни классика и молодой писательницы кому-то покажется слишком знакомой – хотя бы по «Даме с собачкой», но есть в этом фильме, думается, еще один сюжет. Едва уловимый. Чем тщательнее и буквально режиссер выстраивает декорации столетней давности (телефон вызывает изумление у прислуги, а дети никогда не видели

паровоза), тем большая связь с нашей эпохой почему-то прочитывается. Дело даже не в деталях. Да, успешный писатель, часто мотающийся между Питером и Москвой в купе курьерского поезда (хочется машинально сказать: «Красной стрелы»), так тщательно раскладывает свою дорожную конторку, что сразу воображаешь какую-нибудь современную звезду, достающую в «Сапсане» свой айпад, дабы не терять время. А желтая пресса, сопровождающая каждый шаг московской знаменитости? – из нее обманутый муж Лидии черпает половину новостей... Дело в общей атмосфере. Псевдоинтеллектуальные дамы, требующие от Чехова определиться «с направлением» и со взглядами. Слабые попытки оправдаться, отбиться, сохранить за собой право ни с чем не определяться и оставаться просто Чеховым. Кем угодно. Просто Чулпан Хаматовой. Например.

Финальные кадры. Холод и голод Москвы года так, наверное, восемнадцатого. «Египтянка» прорывается сквозь сугробы к своему «Древнему Египтянину» – «Куда же я от него уеду?» – и сметает снег с чеховского надгробного памятника. Снимать эту сцену, наверное, было легче всего. Камень 1904 года хоть и переносили на Новодевичье кладбище, но так и оставили, не заменили на какой-нибудь помпезный монумент с тиснением «От советского правительства».

Хоть что-то в нашей жизни остается постоянным, нетронутым, неиспачканным. И это Чехов.

Игорь Савельев

это. И у каждого своя магия. В каждую роль я стараюсь внести эту магию своей родины. Я из бедных кварталов: по крайней мере, эту плохую рекламу делают нашим местам столичные журналисты. А я хочу победить это в своей работе, играя так, чтобы у людей рождались положительные эмоции. На Сицилии происходят странные вещи, чудеса, в которые никто не верит... Перед съемками мы – вся группа – заперлись и неделю обсуждали будущий фильм. Каждый в своей роли выражал себя так, как чувствует себя на самом деле, без фальши. И я хотел влиться в свою роль, выложиться на сто процентов. Честно скажу, что это было трудно: как минимум, потому, что я не гомосексуалист, как мой герой. Но я справился. Я же сицилиец, а мы не отступаем. Мы все работали честно, и очень благодарны Московскому фестивалю за приглашение сюда, за эти эмоции...

Сицилия – это любовь. Каждый, кто побывал у нас, ощущает ее на себе. Вы можете запросто прийти к любому местному жителю в дом, вас тут же посадят за стол. Ты можешь быть плохим человеком, но тебе все равно будут искренне рады. Приезжайте, и увидите, что каждый сицилиец – радушный хозяин и бесплатный гид. Нас не интересуют деньги. Нам нужно взаимное уважение. Уважение и любовь. Ты меня уважаешь, я тебя уважаю – и так рождается любовь.

Интервью вели Ася Колодизнер и Антон Чумаченко

ВЕЧНОЕ СИЯНИЕ ЧИСТОГО РАЗУМА

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

Чувственная математика /
Реж. Екатерина Еременко

Герои фильма – ведущие математики, живущие и работающие в разных городах мира. Но предстают они не в привычном амплуа полубезумцев-полугениев. А, скорее, в роли таких современных Эпикуров. Высшая математика, то, что для других – невыносимая мозговая активность или раздражающая психику эгоистичная жажда открытий, – для них высшее расслабление и радость.

Первый герой фильма – эксцентричный француз по имени Седрик Веллани. К 38 годам он уже лауреат почетной Филдсовской премии. В список его интересов, кроме гигантских брошей в виде паука и разноцветных шелковых платков, входит теория дифференциальных уравнений в частных производных, кинетическое уравнение Больцмана, затухание Ландау и прочие малопонятные обычному человеку вещи. Но у его выдающихся способностей есть и более прозаичное применение: используя одному ему известный алгоритм, он вычисляет самое удачное пирожное на кулинарных конкурсах, которые с удовольствием посещает в качестве члена жюри.

Его коллега из Москвы, классический профессор МГУ Анатолий Фоменко, с помощью математических формул может описать все, что стоит у него перед глазами. Люстры, колонны, винтовые лестницы. И наоборот – любую формулу он может нарисовать. Буквально: карандашом на бумаге выводятся сюрреалистичные сюжеты.

А сколько в мире еще таких же неординарных профессоров – молодых и не очень, у которых при слове «математика» в мозгу загораются рецепторы совершенно определенных чувств: зрения, обоняния, вкуса, осязания?

Фильм Еременко – не анализ текущих научных исследований. Не перечисление первейших задач, которые поставил перед учеными прогресс. С этим с лихвой справляются документалисты на BBC. Режиссер (которая перед ВГИКом с отличием окончила мехмат МГУ), отметая все, что лежит на поверхности, вникает в самую суть математики, не прибегая при этом ни к одному патетическому обобщению. Полностью отвечая своему названию, этот фильм, минуя мозг, действует сразу на все органы чувств.

Правду говорят, что любовь не поддается никакой математике. Но только не в том случае, когда математика сама же и является объектом любви.

Никита Карцев

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

ВОКРУГ СВЕТА Штиль (La mer à l'aube) / Реж. Фолькер Шлендорф

– Спасибо вам за эту глубокую, честную картину... Эмоциональное впечатление, которое она производит, настолько сильно, что его даже трудно описать...

– Благодарю. Реакция на «Штиль» стала для меня полным откровением. Когда работаешь над фильмом, когда ты в монтажной, один на один с маленьким профессиональным экраном, то даже не можешь вообразить, каково это будет, когда его в большом кинозале увидят сотни зрителей. На премьерном показе на Берлинском кинофестивале нахлынули эмоции, сердце замерло в груди. Зрители, я это видел, испытали потрясение. И я, представьте себе, тоже.

– Каждое поколение задает себе вопрос: каким образом могли произойти все эти страшные события второй мировой войны? Появились ли новые объяснения?

– Но это же старый вопрос. Загляните в «Войну и мир» Толстого. Почему люди упорно совершают определенные поступки? Я не ставил перед собой цель показать вторую мировую войну с какой-то неожиданной стороны. Моей задачей было показать природу человека – его душу, его разум, то, как люди себя ведут и как общаются, когда смотрят в глаза смерти. Эта история могла произойти в любые времена. Главное для меня – чрезвычайная ситуация, когда человек находится под сильнейшим давлением обстоятельств. Тогда в нем обнажаются все его лучшие стороны. И худшие тоже. Но в данном случае потрясают именно лучшие качества моих героев, и скромность, и простота...

– В фильме есть важная особенность, которую современный кинематограф уже начинает утрачивать, – вера в человека.

– Истории из человеческой жизни – это интересно всегда. Но расскажу, как пришел к этому замыслу. Замечу, кстати, что «Штиль» снят вовсе не по предложению продюсеров. Так вот. Почти через десять лет после войны я приехал во Францию. Совсем зеленый, мне лет шестнадцать-семнадцать. Французские ровесники

смотрели на меня не иначе, как: «Глянь, это ж немец! Интересно, какой он? Чем он отличается от нас?» Из обычного человека я сделался «глянь, это ж немец». Впрочем, это было безобидное – и взаимное – любопытство. А с французами я очень сдружился и надолго связал свою жизнь с Францией. И вот такая история. Мои французские приятели мне говорили, что во время войны в соседнем городке произошло нечто ужасное. Но никогда не вдавались в подробности. И только спустя пятьдесят лет мне в Париже журналисты подарили книгу, из которой я и узнал историю Ги Моке, семнадцатилетнего парнишки, который был казнен за то, что разбрасывал листовки в кинотеатре. Читая книгу, я испытал по-настоящему живое ощущение, будто я возвращаюсь во времена собственной

юности, будто это моя, реально моя личная история. Пробудились воспоминания, и я понял, что должен сделать этот фильм. Но я решил снимать его в камерном ключе.

– Кажется, что сегодняшняя молодежь пытается забыть о прошлом и даже вообще ничего не знать о нем.

– Я преподаю в киношколах, провожу семинары. Особенно часто – в Варшаве, у Анджея Вайды. Конечно, со всеми студентами мы говорим и о современности, и о том, что происходило с людьми на войне и после нее. И вот как-то один студент сказал: «Вашему поколению повезло. В вашей жизни был драматизм – события второй мировой войны. И вы могли делать об этом серьезные фильмы. А в нашей жизни нет никаких драм, мы даже не

ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА

МАГИЯ ЛЮБИЧА

Московская ретроспектива Любича – уже третья за последние семь лет. Первая состоялась в 2006 году в Сан-Себастьяне, потом Локarno, теперь Москва. Второе рождение классика очевидно. Как очевидно и его забвение – тем более несправедливое, что в истории кино, пожалуй, не было и нет более «зрительского» режиссера. Этому есть объяснение – разное в каждой стране. Скажем, в СССР Любича не показывали потому, что он обожал издеваться над Советами. Режиссер с абсолютным вкусом, он не мог обойти стороной лицемерие и пошлость «товарищей». В одном из многих его шедевров, «Ниночка» (американцы делают ударение на второй слог), закаленная в борьбе коммунистка (Грета Гарбо, проявившая себя великолепной комедийной актрисой) прибывала в Париж

с целью спасения товарищей по партии, погрязших в удовольствиях капитализма. И – влюблялась в своего идеологического врага. Разумеется, фильм 1939 года проходил по разряду «антисоветчины».

Впрочем, и представители «белого движения» тоже высмеивались неполиткорректным Любичем без всякого зазрения совести. В выдающейся картине 1937 года «Ангел» (берусь утверждать, что ни до, ни после на экране не было более тонкого и изысканного воплощения темы «любовного треугольника») важным эпизодическим персонажем проходила Великая русская княгиня, выступавшая... профессиональной сводницей и хозяйкой роскошного борделя в Париже, куда в поисках приключений заворачивает героиня несравненной Марлен Дитрих.

В Америке не приняли «Быть или не быть» – комедию о польских театраль-

знаем, о чем снимать кино». Другой возразил: «Ничего подобного, в нашей жизни тоже есть драма!» Я спросил: «Какая?» А он: «Родственники». Смешно? Не знаю. Да, нынешние молодые кинематографисты снимают первые фильмы даже не о любви к девушке, а в основном о конфликте поколений, о проблемах в семье. Главные драмы сегодня разворачиваются в семейном кругу. И молодые чуть ли не завидуют нам, пережившим чудовищные события прошлого века...

– В чем значение фигуры священника в «Штиле»?

– Сцена со священником основана на реальных событиях. Его вызвали для того, чтобы он поддержал приговоренных к расстрелу в последний час их жизни. Он спрашивает жандармов и их начальника, важного чиновника: «Почему вы позволяете себе участвовать в преступлении? Вы не сможете оправдать себя тем, что это творят немцы. Это дело ваших рук». Такие вот простые слова. Священник идет к заключенным, но, в общем-то, даже не пытается никого исповедовать или причастать перед смертью: «Я знаю, вы атеисты, вы коммунисты, вы моей веры не разделяете». И они проникаются к нему уважением. Там есть кадры: двое молодых ребят спорят, можно ли принять священника в компартию. Этот диалог описан в подлинных дневниках, которые я нашел... Интересный персонаж... Человек, лишенный малейшего высокомерия, да и «просто» честный и порядочный.

– Очень важный эпизод в фильме – разговор немецкого офицера с французом, где звучит мысль, что невозможно изменить ход истории. А вы лично как считаете: можно или нет?

– Историю делают люди. Я говорю не о тех, кто там, в верхах: Гитлер, Сталин... – а об огромном множестве простых людей. Понимаете, если на свете увеличивается число тех, кому не вмоготу оставаться в покорном стаде, кто мыслит самостоятельно и не желает подчиняться наглому произволу, тогда накапливается критическая масса и новое сообщество меняет движение истории. Если народ находится под гнетом бессовестной власти, то перемены рано или поздно, но обязательно произойдут.

*Интервью вели Ася Колодизнер
и Петр Шепотинник,
Берлин-2012*

НОЧНОЙ ДОЗОР

ГАЛА-ПРЕМЬЕРА Президент Линкольн: охотник на вампиров (Abraham Lincoln: Vampire Hunter) / Реж. Тимур Бекмамбетов

Тимур Бекмамбетов давно мечтал снимать кино про супергероев, которых, как он считает, много было на российских просторах – от Ильи Муромца до дяди Степы. Но пока что в России Бекмамбетов только продюсировал один супергеройский фильм – «Черная молния», зато в Америке – бинго! – ему доверили экспериментировать на легендарной фигуре Авраама Линкольна. Шальная идея заставить 16-го президента страны гоняться за вампирами пришла в

голову писателю Сету Грэм-Смиту, который уже скрестил героев классических романов с разными чудовищами («Гордость и предубеждение и зомби»), и даже не пощадил нашу знаменитость («Андроид Каренина»).

Сюжет фильма «Президент Линкольн: охотник на вампиров», как обычно у Грэм-Смита, базируется на реальных фактах, только жизненная история сдвигается в сферу сверхъестественного. В результате оказывается, что борьба за отмену рабства была лишь

лицевой стороной деятельности президента, а на самом деле он стремился искоренить кровососущих монстров, которые как раз и были заинтересованы в сохранении этой гражданской практики ради своих кровавых целей.

Насколько серьезно отчаянная тройка – автор сценария Грэм-Смит, продюсер Тим Бертон и режиссер Тимур Бекмамбетов, а также примкнувший к ним продюсер Джим Лемли – отнеслись к этой фантастической затее, говорит выбор актера на главную роль. Дело в том, что характерную внешность долгового худого Линкольна очень легко превратить в узнаваемую карикатуру. Тут мало тратить по шесть часов на грим, требуется абсолютная натурная достоверность. И прежде чем на эту роль был утвержден Бенджамин Уокер, рассматривались кандидатуры Тома Харди, Эрика Баны, Тимоти Олифанта, Эдриена Броуди, Джоша Лукаса, Джеймса Д'Арси и Оливера Джексон-Козна. Вообще, чтобы главный герой выглядел настоящим в невероятной истории, создатели фильма особенно потрудились над правдивостью деталей. Впрочем, дело не в достоверности, а в месседже. Как утверждает режиссер, это кино не про вампиров, а про свободу – главную ценность, которую исповедовал Линкольн: «Пока хоть один не свободен, мы все рабы», и форм рабства может быть множество, ведь можно быть рабом своих страхов, своих демонов и много чего другого.

Нина Цыркун

ных актерах, неожиданно для самих себя вступивших в отчаянную борьбу с фашистами. В страшном 1942 году Любич умудрился сделать один из самых веселых фильмов в истории мирового кино, с блеском доказав, что комедии можно снимать на самом «неподобающем» материале. На многочисленные упреки с разных сторон режиссер отвечал так: «Да, я не прибежал к традиционным методам показа фашистов. Не снимал во всамделишной камере пыток, не показывал возбужденного фрица с хлыстом в руке... Мои фашисты – другие, они уже прошли эту стадию. Жестокость, пытки и издевательства стали их каждодневной рутинной. Они распространяются обо всем этом с той же легкостью, с какой продавец болтает о товарах на полках своего магазина...»

Немецкий еврей Любич (его отец – выходец из России) прославился снятыми в Германии немыми комическими и масштабными историческими полотнами (среди последних – «Мадам Тюбари» и «Анна Болейн»). Стяжав себе славу «европейского Гриффита», в самом конце эры немого кино он, к счастью для себя и для нас, эмигрировал в США. Его опередившие время сюжеты о преис-

полненных похоти женщинах, коварно использующих мужчин (или, наоборот, о благородных дамах, расплывающихся жизнью за минутное удовольствие), как нельзя лучше прижились за океаном. В Голливуде Любич по преимуществу эксплуатировал комедийную грань своего исключительного режиссерского дарования, хотя был способен и на «большее». Но таких фильмов, как «Один час с тобой» (в картине 1932 года актер впервые обратился в зрительный зал с экрана), «Беспорядок в раю» (1932), «Глан жизни» (1933), «Веселая вдова» (1934), не говоря уж об «Ангеле», «Ниночке» и «Восьмой жене Синей бороды» (1938), хватило, чтобы застолбить за Любичем место величайшего комедиографа в истории кино. Превосходство Любича признавал даже много чему у него научившийся Билли Уайлдер. Автор «Квартиры» и «В джазе только девушки» работал у Любича сценаристом.

Среди многих поклонников и зочных учеников Любича был и Франсуа Трюффо (его шедевр «Жюль и Джим» вдохновлен «Гланом жизни», а в «Последнем метро» очевидны переключки с «Быть или не быть»). «В сыре, изготовленном Любичем, каждая

дырка гениальна», – пишет Трюффо в эссе 1968 года для посвященного Любичу номера «Кайе дю синема». Его «свойственный великим сказочникам» повествовательный почерк Трюффо находил похожим на манеру Хичкока. Оба «рассказывают историю в картинках», и, будучи абсолютно конкретными («Если вы скажете: «Я только что посмотрел фильм Любича и нашел в нем ненужный кадр», я вам не поверю»), стремятся к полной абстрактности.

«Его картины являются полной противоположностью всему расплывчатому, неопределенному, нечеткому, «непередаваемому», они не содержат никаких художественных излишеств, ничего, что было бы включено в фильм только потому, что «так надо», – пишет Трюффо в тексте, озаглавленном «Любич был принцем».

Уже снявший к 1968 году свои главные шедевры Трюффо, не смущаясь, называет мерзавцами тех режиссеров, кого удовлетворяют штампы, до которых никогда не опускался недооцененный и непревзойденный Любич: «Он не таков, он будет трудиться в поте лица, стараться изо всех сил и умрет в результате на 20 лет раньше, чем мог бы».

Вот, например, как решает Любич в «Ангеле» сцену обеда, на котором впервые встречаются героиня Марлен Дитрих, ее случайный любовник и ее муж. Он обходится без демонстраций томных взоров, без многостраничных трескучих диалогов и мучительного выяснения отношений. Обходится летучим прикосновением, ставшим его главным «брендом» и получившем в литературе название – «прикосновение Любича» (Lubitsch's touch). Режиссер демонстрирует нам... тарелки только что отобедавших героев. На тарелке Марлен отбивная не тронута. На тарелке любовника она нервно порезана на мелкие кусочки, но тоже не съедена. И лишь тарелка ничего не подозревающего мужа пуста...

Да, Любич умер в 55 лет, сняв 76 картин (около 50 из них – немые). Разделявший подобное отношение к делу Трюффо не дожил и до этой цифры, скончавшись в 52. Долгих вам лет жизни, арт-бракоделы всех мастей, самовлюбленные мастера художественной пошлости, способные лишь на воспроизводство штампов интеллигентского или обыденного сознания!..

Стас Тиркин

VEGETARIAN CANNIBAL/ LJUDOZDER VEGETARIJANAC

COMPETITION Dir. Branko Schmidt

It doesn't take long to explain to cinematographers, or even to film-goers, that a felicitous name for a film may secure the lion's share of its success. Branko Schmidt may take pride in the names of almost all his pictures, but his latest film has a simply splendid title.

Incidentally, *Cannibal Vegetarian* wasn't thought up by the director, who wrote the scenario, but by the writer Ivo Balenovic, whose novel Branko adapted for the screen. It's now Schmidt's second film based on a work by Balenovic – the author of the novel *Metastases*, the film of which took part in the Perspectives competition at the Moscow International Film Festival 2010. Balenovic's new novel and Schmidt's film are about corruption in the medical community, about a young gynaecologist who indulges in clandestine abortions which are lavishly remunerated both by gangsters and also by senior civil servants who wield power in the state, and are also closely linked with the gangsters. The more dangerous the operations, the greater the risk to which his patients' lives are exposed, the more successfully his career develops, the stronger his social standing becomes...

In Croatia the film enjoyed great success – both with audiences and also with the critics. The work's high artistic level is evident. But naturally the film was invited to Moscow also because the situation it discloses can be seen in almost all Russian hospitals, but films about that «in the wide open spaces of the glorious Motherland» for some reason are not being made.

Schmidt has made a clear, harsh, rhythmical and biting film which is interesting to watch. The outstanding artist Rene Bitorajac, discovered by Schmidt in *Metastases*, this time plays a human type which today is unfortunately very widespread. The successful professional. A wonderful apartment. A wonderful car. Wonderful clothes. He takes care of his health. He doesn't eat meat. You cannot reproach this type with being amoral, because for him morality is unknown. And if someone were to take it into their head to admonish Danko Babic for what he does, Bitorajac's character would be sincerely amazed.

He does what people pay for. They need Danko to maintain a certain status in life. What can one do if a doctor's official salary does not allow that. But these young girls, whom he «uses,» do they really not understand that occasionally after a night of love it's possible to become pregnant? Do they really not know that in their position as impoverished concubines, or Ukrainian prostitutes and God knows who else, the joys of motherhood are excluded? They don't know who they're humping? They don't understand that gangsters, and even more, the senior civil servants, have lawful wives and children? They have no need of unlawful ones.

Perhaps Danko Babic thinks of himself as an orderly, ridding society of completely superfluous new members with no rights.

In the film's most shocking scene Danko removes a dead foetus, piece by piece, from the womb of his latest patient, and carefully lays the tiny pieces on a tray, in order of size. Here's the head, there an arm, now a leg, here's the other arm...

Danko – Bitorajac, as the saying goes, has a place for everything and everything in its place. In his apartment, at work, and in life itself. Love? What love, what are you talking about? So, he has it off as time allows – «to relieve his balls» – and then what! Marriage? Well, who would refuse at the right moment to marry such a popular, promising doctor whom they will appoint as the clinic director? To get this post, Danko doesn't play any games – it's beneath his dignity. He just doesn't stop events from moving in the required direction. So he simply doesn't talk about what he knows. Something that could have kept the previous director in his

post. Elderly people should retire and give way to the young, the greedy and the grasping. Danko calculates everything everywhere. With him everything is a question of discipline.

It must be admitted that the way Bitorajac acts is now a rarity in world cinema. Until the appearance of this splendid artist I considered that dramatic impersonation was something from the history of the arts. Everything is now constructed, on the contrary, on the principle of recognition. Spectators who enter a cinema are to recognise their idols as if they hadn't even changed their clothes. However, Rene is reviving the great acting skills of past eras, which, so it would seem, have not in the least become outmoded, and exist remarkably in the modern cinema.

Sergei Lavrentyev

ADMIRER

GALA SCREENINGS Dir. Vitali Melnikov

A story about Chekhov, told by Vitali Melnikov (his love for Lidia Avilova, trips to Petersburg, TB, the flop of «The Seagull» at the Emperor theatre) is very Chekhovian in spirit. The first impression was that all this atmosphere, familiar from school textbooks, is reconstructed too literally and artlessly, like the décor of the metro station «Chekhovskaya» filled with pensive pictures of noblemen's pavilions, theatrical embellishments et cetera. But then you realize that this story could not be told in any other way. The special warmth of this movie is due to the fact that the story of love is really as old as the hills. In all the epochs the spark of spiritual affinity that flashes between two genuinely lonely souls, risks being extinguished by unloved spouses, false friends, society, advocates of morality. In all epochs this love – forbidden, late, bitter – fills human life with some unusual meaning. In «The Admirer» this is an almost platonic feeling (the characters permitted themselves a kiss only once, when they parted forever and could barely conceal themselves at the station from the omnipresent gossip-mongers and society reporters). It determines almost all Chekhov's actions. For the sake of Lidia, his «Egyptian», he toils at the premiere of «The Seagull» in Petersburg, reanimates early humorous stories for the edition of his collected works and even drinks a glass of champagne before his death. Patients dying from consumption were given champagne: at the time it was believed that it somehow relieved the sufferings. But this time the gesture spelled a secret «forgive me».

People can drink making small-talk and in the meantime their hearts are being broken. Chekhov's well-known technique. The director adheres to it piously and the official Shrovetide dinner turns into a doomsday for Lidia, while the news of Chekhov's death reaches her during the anniversary festivities of her life with the unloved husband: she has no right to cry. No right to cry. The old Leikin, brilliantly played by Oleg Tabakov (one can savor the humour of the filmmakers: he delivers some rather skeptical lines about the new theatre MKhT) sobs in the hallway, while triumphant voices of the guests are heard from the upper floor. They represent a whole gallery of Chekhovian vulgar men, Gaevs, Ionychshes ad it is not hard to discern the hint that these people were the ones who killed Chekhov (for example, the flop of the play at the Akexandrinsky Theatre is a consequence of their treacherous doings). Similarly, in other films the same society killed Pushkin «with the hand of a high-society rascal» («the hand of TB» does not sound appropriate).

The story of a love affair between a dying classic and a young writer might seem too familiar for example from «The Lady With The Dog», but there seems to be an additional plotline in the movie. Barely perceptible. The more pains the director takes to reconstruct the age-old reality (the telephone amazes the servants and the children had never seen a steamboat before), the more evident the connection with the present day. It is not so much the details.

Yes, a successful writer who often travels between Moscow and Petersburg on an express train (one is tempted to say «Red Arrow») lays out his writing tools so painstakingly, that you instantly imagine some modern star, who, on board a «Sapsan», produces her iPad not to lose time. And the yellow press following the famous writer's every step? It is there that Lidia's deceived husband learns half the news. What matters is the overall atmosphere. The pseudo-intellectual dramas requiring that Chekhov make up his mind as to the trend and the world outlook. Feeble attempts to fend off, to justify oneself, to keep the right to not make up one's mind about anything and remain simply Chekhov. Or anyone else. Or Chulpan Khamatova. For example.

Final scene. The frozen and hungry Moscow of roughly 1918. The «Egyptian» makes her way across snowdrifts to her «Ancient Egyptian» – «There is no way I can leave him» – and sweeps the snow off Chekhov's tombstone. This scene was probably the easiest to shoot. Although the stone of 1904 was carried over to the Novodevichye cemetery, it was left as is and was not replaced by some pompous monument with the inscription «From the Soviet Governments».

At least something in our life stays constant, intact, unblemished. And it is Chekhov.

Igor Savelyev

CALM AT SEA/ LA MER A L'AUBE

FILMS AROUND THE WORLD

Dir. Volker Schlöndorff

– Thank you for this deep and honest picture... The emotional impression it makes is so strong that it's even difficult to describe it...

– Thank you. For me, the reaction to *Calm at Sea* was a complete revelation. I did not expect it would exert such a powerful emotional effect on people. When you're working on a film, when you're alone with it in the editing suite/cutting room, one-to-one with a little professional screen, you can't even imagine what it will be like when hundreds of spectators are watching it in a large cinema. At the premiere at the Berlin Film Festival there was a surge of emotion, and my heart missed a beat. The audience, and I saw it, were reeling in shock. And I was as well, believe it or not.

– Each generation poses itself the question: how on earth could all these terrible events of the Second World War take place? Have any new explanations emerged?

– But that's an old question. Take a look at Tolstoy's *War and Peace*. Why do people bull-headedly carry out certain acts? I didn't set myself the aim of showing the Second World War from an unexpected standpoint. My objective was to show the nature of humankind – his soul, his reason, how people behave and how they communicate when they're looking death in the face. This is a story that could have taken place at any time. The main thing for me was the extraordinary situation when someone finds themselves under the massive force of circumstance. Then all their best sides are revealed. But also the worst. However, in this case it is the best qualities of my heroes which surprise one, both their humility and simplicity...

– The film has an important feature which the modern cinema is already starting to lose – faith in humanity.

– Stories from human life are always interesting. But I'll tell you how I came to this idea. By the way, I would observe that *Calm at Sea* was not filmed at the suggestion of the producers. Well, then. Almost ten years after the end of the war I arrived in France. I was completely green, 16 or 17. My French contemporaries just looked at me to say: «Look at that, it's a German! Interesting to find out what he's like! How he's different from

us?» From an ordinary bloke I was made into «look at that, it's a German.» Incidentally, it was just harmless – and mutual – curiosity. I became good friends with French people and for a long time I linked my life with France. And this is the story. My French friends would tell me that during the war something dreadful happened in the next town. But they never went into details. And it was only fifty years later that some journalists in Paris gave me a book from which I discovered the story of Guy Môquet, a seventeen year old lad who had been punished for scattering some leaflets in a cinema. On reading the book, I experienced a visceral feeling, as if I had returned to the times of my own youth, as if it was mine, really my personal story. It awoke memories in me, and I realised that I had to make this film. But I decided to film it on a small scale.

– It seems that today's youth are trying to forget about the past, and even know nothing about it at all.

– I give lectures in cinema schools, and I lead seminars. Particularly often in Warsaw, with Andrzej Wajda. Naturally, with all the students we talk both about contemporary events and also about what happened to people during the war and after it. And one student said: «Your generation was lucky. Your lives have had drama – the events of the Second World War. And you've been able to make serious films about it. But in our lives there's been no drama at all, we don't really know what to make films about.» Another objected: «It's nothing like that, there's also drama in our lives!» So I asked: «What kind?» He says: «Relatives, on TV.» Is that absurd? I don't know. Really, today's young cinematographers make their first films not about love for girls, but in the main about conflict between the generations, about family problems. The main dramas today unfold in the family environment. And the young almost envy us who have survived the monstrous events of the last century...

– What's the significance of the role of the priest in *Calm at Sea*?

– The scene with the priest is based on actual events. He was called in order to support those who had been sentenced to be shot, during the final hour of their life. He asks the gendarmes and their boss, a senior bureaucrat: «Why are you allowing yourselves to be involved in this crime? You cannot justify yourselves with the idea that it's being done by the Germans. Your hands are in this.» These are simple words. The priest goes to those who are imprisoned, but he doesn't even attempt to hear their confessions or to celebrate communion before their deaths: «I know you are atheists, you're communists, and you don't share my faith.» And they are imbued with respect for him. There are some clips: two young lads are arguing about whether they could accept the priest into the Communist Party. This dialogue is described in the actual diaries which I discovered... He's an interesting character... A man who is devoid of any trace of arrogance, but «simply» honest and decent.

– A very important episode in the film is the conversation between the German officer and a Frenchman, where the thought is expressed that it's impossible to change the course of history. How do you look at this: is it possible or not?

– It is people who make history. I'm not talking about those at the highest level: Hitler, Stalin... – but about the huge majority of ordinary people. You see, if there is an increase in the number of people for whom staying with the cowed majority is repugnant, who think independently and don't want to subjugate themselves to the hubristic abuse of power, then a critical mass will build up and the new community will change the course of history. If a people finds itself oppressed by a Machiavellian government, then changes will definitely occur, sooner or later.

*Interview by Asya Kolodizhner
and Peter Shepotinnik
Berlin 2012*

MAGIC OF LUBITSCH

The Moscow retrospective of Lubitsch's works is the third in 7 years. The first was in 2006 in St. Sebastian, then in Locarno and now Moscow. The rebirth of the classic is evident. Equally evident is his oblivion, which is all the more unjust since there is and, probably, was not a more viewer-friendly director. There are reasons, specific to each country. For example, in the USSR Lubitsch was not shown because he loved ridiculing the Soviets. A director with a perfect taste, he could not ignore the hypocrisy and coarseness of «comrades». In one of his masterpieces «Ninotchka» (the English-speaking people stress the second syllable) a seasoned Communist (Greta Garbo, who demonstrated her superb comedic abilities) arrived in Paris to save her party comrades immersed in capitalist pleasures. And fell in love with her ideological enemy. Naturally, the film, made in 1939, was deemed «anti-Soviet».

But then, representatives of the White movement were unashamedly ridiculed by Lubitsch as well. In an outstanding movie of 1937 «Angel» (I daresay that neither before nor after was there on the screen a more subtle and exquisite interpretation of a «love triangle») an important secondary character was a Russian princess, who was a professional match-maker and the owner of a luxurious whore-house in Paris, where Marlene Dietrich's beautiful heroine goes in search of adventure.

America did not like the comedy «To Be or Not to Be» about Polish stage actors who were unwittingly drawn into a fierce struggle with fascism. In the fear-some 1942 Lubitsch managed to make one of the funniest movies in world history, offering striking evidence that comedies can be shot using the most unlikely material. When reproached, Lubitsch answered «Yes, I did not use the traditional ways of showing fascists. I did not use the real torture chamber, did not show an excited Nazi with a whip in his hand... My fascists are different, they are past this stage. Cruelty, tortures, humiliation are their everyday routine. They talk about it as easily as a shop assistant would ramble on about the goods in his shop...»

The German Jew Lubitsch (his father was of Russian origin) became famous for his German silent comedies and large-scale period films (including «Madame Dubarry» and «Anna Boleyn»). Towards the end of the silent era having built the reputation of a «European Griffith», he – luckily for himself and for us – emigrated to the USA. His themes were far ahead of his time, like movies about lustful women cunningly using men (or vice versa, about noble ladies paying with their lives for momentary pleasures) found fertile soil across the ocean. In Hollywood Lubitsch used mainly the comedic side of his talent, though he was capable of more. But such movies alone as «One Hour with You» (in this 1932 movie an actor addressed the audience directly for the first time), «Trouble in Paradise» (1932), «Design for Living» (1933), «The Merry Widow» (1933) not to mention «Angel», «Ninotchka» and «Bluebeard's Eighth Wife» (1938) would have secured Lubitsch a place of the greatest comedy filmmaker in film history. Lubitsch's superiority was acknowledged even by Billy Wilder, who learnt a lot from him. The creator of «The Apartment» and «Some Like It Hot» was Lubitsch's scriptwriter. Among Lubitsch's many admirers and pupils was Francois Truffaut (his masterpiece «Jules et Jim» was inspired by «Design for Living», while in «The Last Metro» allusions to «To Be or Not to Be» are evident). «In the cheese prepared by Lubitsch, each hole is brilliant» writes Truffaut in a 1968 essay for the issue of «Cahier du Cinema» devoted to Lubitsch. In Truffaut's opinion his narrative style, «characteristic of great storytellers» was similar to that of Hitchcock. Both are telling stories in pictures and staying totally concrete («Should you say «I've just watched a Lubitsch movie and found an unnecessary shot in it», I would not believe you») they strive for utmost abstraction.

«His films are a complete opposite to everything hazy, undefined, unclear, «inexpressible», they do not have any artistic excesses, nothing that would be included into the film simply because «it should be» Truffaut writes in an essay entitled «Lubitsch was a Prince».

Truffaut, who by 1968 had already shot his main masterpieces, was not shy to call scoundrels those directors who were content with clichés which the underrated and unparalleled Lubitsch never stooped to. «He is not the one to sweat it out, try as hard as possible and die 20 years younger than possible».

This is how Lubitsch treats the dinner scene in «Angel» where Marlene Dietrich's character, her chance lover and her husband meet for the first time. He does not use any dark glances, verbose dialogues and torturous quarrels. Instead he makes use of a light touch, which became his trademark and is known as «the Lubitsch Touch». The director shows us... the plates left by the characters who have just had dinner. Marlene's plate contains an intact pork chop. In her lover's plate it has been nervously cut into small pieces and also left uneaten. And only the plate of her ignorant husband is empty...

Lubitsch died at 55, having made 76 movies (50 of them are silent). Truffaut, who shared his approach, did not live even that long, passing away at 52. Long live, art-butchers of all sorts, self-confident masters of artistic vulgarity, capable only of reproducing clichés of intellectual and everyday-life mentality!..

Stas Tyrkin

ABRAHAM LINCOLN: VAMPIRE HUNTER

GALA SCREENINGS

Dir. Timur Bekmambetov

Timur Bekmambetov has dreamt of making superheroes' movie for quite a long time, since there is a great many of them in Russian scope; according to him – from Ilya Muromets to Uncle Stypa. Up to now Bekmambetov has just produced a pic of the sort in Russia – «A Black Lightning», but – bingo! – in America he is entrusted to experimentalize on the legendary figure of Abraham Lincoln.

A crazy idea to make the 16-th president of the USA to chase vampires struck the mind of the novelist Seth Grahame-Smith, who has already crossbred some classical literary characters with dreadful creatures («Pride and Prejudice and Zombies», «Sense and Sensibility and Sea Monsters») and even hasn't spared the pride of ours, having written «Android Karenina». Following up this trodden path the writer based the plot of «Abraham Lincoln: Vampire Hunter» on the real biographical facts, but the life story was shifted into realm of the supernatural. As a result it turned out, that preserving the country during the Civil War, promoting economic and financial modernization and abolition of slavery were only visual outer aspect of Lincoln's activities; as a matter of fact he was ardently hunting for bloodsucking monsters, who actually sought to maintain slavery for their butcherly aims.

The desperate threesome – the script-writer Grahame-Smith, the helmer Bekmambetov and the producer Tim Burton, together with the producer Jim Lemley thoroughly tackled the preproduction, especially as far as the title role was concerned. Suffice it to recall the list of contenders: Tom Hardy, Eric Bana, Timothy Olyphant, Adrien Brody, Josh Lucas, James D'Arcy and Oliver Jackson-Cohen before Benjamin Walker was cast. The thing is that Lincoln's specific outward appearance may very easily transfer into a stereotyped caricature; so six hours of making up was not enough, there should have been an actor, who could utterly believably inhabit the protagonist's body. To make the protagonist the most real, the creators tried to envelope him with the most plausible details. Anyhow the gist is not in the plausibility, but in the message. As Bekmambetov states, this is a movie not about vampires, it's about freedom – the major value which Lincoln affirmed: until everyone is free, we're all slaves. And the forms of slavery are versatile, one may be a slave of fear, a slave of one's demons and what not.

Nina Tsyrukun

1. Эктор Бабенко
2. Дарья Екамасова, Алексей Федорченко и Андрей Прошкин
3. Сергей Лобан
4. Сильвия Перель, Дарежан Омирбаев, Марина Разбежкина и Явор Гырдев
5. Жан-Марк Барр с мамой
6. Иштван Сабо
7. Джон Альперт

23 ИЮНЯ / JUNE, 23

11:00	Дети Гитлера / HITLER'S CHILDREN	Октябрь, 5	80
11:30	Ниночка / NINOTCHKA	Октябрь, 6	110
12:30	Спартак / SPARTACUS	Октябрь, 7	196
13:00	5 разбитых камер / 5 BROKEN CAMERAS	Октябрь, 5	90
13:00	М. Город ищет убийцу / M	Октябрь, 9	99
14:00	Именем дочери / IN THE NAME OF THE GIRL	Октябрь, 6	100
14:30	Графиня из Гонконга / A COUNTESS FROM HONG KONG	Октябрь, 4	108
14:30	Улица Бугис / BUGIS STREET	Октябрь, 8	98
15:00	Театр Свобода / THEATRE SVOBODA	Октябрь, 2	98
15:30	Этюды о Врубеле / SKETCHES ON VRUBEL	Октябрь, 9	87
16:00	Андрей Рублев / ANDREY RUBLYOV	Октябрь, 10	175
16:30	Людоед-вегетарианец / VEGETARIAN CANNIBAL	Октябрь, 1	86
16:30	Розита / ROSITA	Октябрь, 6	90
16:30	«Новое поколение СИНЕ ФАНТОМ» Часть 1 / «NEW GENERATION OF CINE FANTOM» PART 1	Октябрь, 11	96
17:00	Эрнст Любич в Берлине / ERNST LUBITSCH IN BERLIN	Октябрь, 4	110
17:00	Отказаться от завтрашнего дня / GIVE UP TOMORROW	Октябрь, 5	95
17:00	В своих руках / STEP UP TO THE PLATE	Октябрь, 7	86
17:00	Страницы истории советского стереокино. Часть 1 / SOVIET STEREOKINO. PAGES OF HISTORY PART 1	Октябрь, 8	106
18:30	Здесь кто-то был (42 мин) + История любви Николая Березкина / SOMEONE WAS HERE + NIKOLAY BEREZKIN'S LOVE STORY	Октябрь, 11	52
19:00	Дверь / THE DOOR	Октябрь, 1	100
19:00	Чувственная математика / COLORS OF MATH	Октябрь, 2	60
19:00	Горная кошка / THE WILDCAT	Октябрь, 6	79
19:00	Если все... / IF ONLY EVERYONE	Октябрь, 7	92
19:00	Кукла + Кабинет Доктора Калигари / THE CABINET OF DR. CALIGARI + THE DOLL	Октябрь, 9	115
19:30	Разноцветные бутоны / COLOUR BLOSSOMS	Октябрь, 4	106
19:30	Санта Ник / ST. NICK	Октябрь, 5	89
19:30	Последнее кино / THE LAST MOVIE	Октябрь, 8	113
20:00	Огонь в горах / FLAME OF MOUNTAIN	Октябрь, 10	62
20:00	Птицы / BIRDS	Октябрь, 11	71
21:30	Уголок короткого метра / SHORT FILM CORNER	Октябрь, 2	111
21:30	В бездну: Повесть о жизни, повесть о смерти / INTO THE ABYSS: A TALE OF DEATH, A TALE OF LIFE	Октябрь, 5	103
21:30	Снежный город / THE SNOWTOWN MURDERS	Октябрь, 6	120
21:30	Горечь любви / BITTER LOVE	Октябрь, 7	96
22:00	Поклонница / THE ADMIRER	Октябрь, 1	102
22:00	Кошки-мышки / NO LIAR, NO CRY	Октябрь, 4	90
22:00	Пишоте, или Закон самого слабого / PIXOTE	Октябрь, 9	125
22:00	«Новое поколение СИНЕ ФАНТОМ» Часть 2 / «NEW GENERATION OF CINE FANTOM» PART 2	Октябрь, 11	104
22:30	Виолета отправилась на небеса / VIOLETA WENT TO HEAVEN	Октябрь, 8	110
22:30	Сексуальная жизнь французской семьи / SEXUAL CHRONICLES OF A FRENCH FAMILY	Летний Пионер	77

24 ИЮНЯ / JUNE, 24

11:00	Разорванный занавес / TORN CURTAIN	Октябрь, 4	128
11:00	Отказаться от завтрашнего дня / GIVE UP TOMORROW	Октябрь, 5	95
11:30	Дверь / THE DOOR	Октябрь, 8	100
12:00	Вишенка на гранатовом дереве / A CHERRY ON A POMEGRANATE TREE	Октябрь, 7	89
12:00	После полудня / AFTERNOON	Октябрь, 9	97
13:00	Розита / ROSITA	Октябрь, 6	90
13:30	В бездну: Повесть о жизни, повесть о смерти / INTO THE ABYSS: A TALE OF DEATH, A TALE OF LIFE	Октябрь, 5	103
14:00	Последняя любовь / LAST ROMANCE	Октябрь, 7	101
14:00	Здесь и там / HERE AND THERE	Октябрь, 4	110
14:00	Людоед-вегетарианец / VEGETARIAN CANNIBAL	Октябрь, 8	86
15:00	Рожденные в СССР. 28 лет. Дети перемен / BORN IN UUSR	Октябрь, 5	106
15:00	Чонтвари / CSONTVÁRY	Октябрь, 9	112
15:00	Огонь в горах / FLAME OF MOUNTAIN	Октябрь, 10	62
15:30	План жизни / DESIGN FOR LIVING	Октябрь, 6	91
16:00	80 миллионов / 80 MILLIONS	Октябрь, 1	102
16:00	Мотылек / МОТЫЛЕК	Октябрь, 8	75
16:30	Именем дочери / IN THE NAME OF THE GIRL	Октябрь, 7	100
16:30	«Новое поколение СИНЕ ФАНТОМ» Часть 2 / «NEW GENERATION OF CINE FANTOM» PART 2	Октябрь, 11	104
16:30	История Бенни Гудмена / THE BENNY GOODMAN STORY	Октябрь, 4	116
17:00	Африка. Кровь и красота / AFRICA: BLOOD AND BEAUTY	Октябрь, 2	59
17:00	Невидимая война / INVISIBLE WAR	Октябрь, 5	95
17:00	Взгляд Улисса / ULYSSES' GAZE	Октябрь, 10	175
17:30	Страницы истории советского стереокино. Часть 2 / SOVIET STEREOKINO. PAGES OF HISTORY. PART 2	Октябрь, 8	80
18:00	Красиво, если смотреть издали / IT LOOKS PRETTY FROM A DISTANCE	Октябрь, 6	77
18:00	Мы – вундеркинды / AREN'T WE WONDERFUL?	Октябрь, 9	108
18:30	Бирмингемский орнамент / BIRMINGHAM ORNAMENT	Октябрь, 11	68
19:00	Орда / HORDE	Октябрь, 1	128
19:00	Русская зима / RUSSIAN WINTER	Октябрь, 4	94
19:00	Мир перед ней / THE WORLD BEFORE HER	Октябрь, 2	90
19:00	Ана-Бана / ANA BANA	Октябрь, 7	98
19:15	Любовь к ненависти / LOVERS OF HATE	Октябрь, 5	93
20:00	Трактористы-2 / TRACTOR DRIVERS-2	Октябрь, 6	84
20:30	Детские истории / KIDS STORIES	Октябрь, 8	90
20:30	День / DAY	Октябрь, 10	58
21:00	Город детей / CITY OF CHILDREN	Октябрь, 7	100
21:00	Рембрандт / REMBRANDT	Октябрь, 9	85
21:30	Байконур / BAIKONUR	Октябрь, 2	94
21:30	Замочная скважина / KEYHOLE	Октябрь, 4	93
21:30	Таблоид / TABLOID	Октябрь, 5	88
22:00	Голая бухта / NAKED HARBOUR	Октябрь, 1	118
22:00	«Новое поколение СИНЕ ФАНТОМ» Часть 3 / «NEW GENERATION OF CINE FANTOM» PART 3	Октябрь, 11	88
22:30	Веселая вдова / THE MERRY WIDOW	Октябрь, 6	99
22:30	Иисус Христос – суперзвезда / JESUS CHRIST SUPERSTAR	Летний Пионер	106
23:00	Q / Q	Октябрь, 8	103
00:15	Holy Motors / HOLY MOTORS	Октябрь, 1	115

34 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
34 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 34 ММКФ / 34 MIFF SPONSORS

Mercedes-Benz

L'ORÉAL
PARIS

CARRERA / CARRERA
MADRID

InStyle

Коммерсантъ

HELLO!

WWW.KINOBUSINESS.COM
КИНОБИЗНЕС
СЕГОДНЯ

рамблер-касса

